

УДК 17.0221.1:008(045)

Россия и глобализация: проблемы ценностной трансформации сознания личности*

ЗОРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета. E-mail: zorel@bk.ru

МУЗАШВИЛИ ДИАНА ЗУРАБОВНА, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» Финансового университета. E-mail: mdz1908@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются альтернативные сценарии трансформации сознания современного человека, противоречия глобальных и традиционных ценностей, совместимость ценностей западного и отечественного генезиса. Анализ таких альтернатив дает ответ на вопрос о границах изменения и перспективах движения внутреннего человеческого мира без угрозы его радикальной деконструкции. Ценностный код глобализующегося сообщества плюралистичен и эклектичен. Изменение качественных характеристик человеческого сознания обусловлено инновационными технологиями информационного порядка и формирующимся на этой основе порядками становления социальности неиерархического характера. Виртуализация сознания под влиянием тотальной экспансии сетевых технологий ведет к размыванию социальных статусов, инверсии социального и личностного, фрагментации самосознания, деформации ценностной идентичности и механизмов самоопределения. И, таким образом, кризис идентичности связан с процессом глобализации, реализующимся по западному сценарию.

Дается критический анализ взаимодействия информационных технологий западного генезиса с ценностями современной России с точки зрения расширения коммуникативной культуры. В секулярном обществе естественные социальные регуляторы перестают действовать эффективно. Современное российское общество, воспринимая ценности и идеалы западной демократии, сохраняет в системе ценностей контрсекулярные тенденции. В России традиционный ценностный код находится в переходном состоянии, подобно всему обществу. Он выражен в отсутствии социальной этики, причудливом сочетании религиозных и светских культурных идеалов и установок, в сохранении девиантных (квазианаучных, сектантских) форм сознания личности. Девиантные формы сознания (неомифология, мистицизм) дополнены фрустрационными тенденциями, «рыхлостью» национальной идеи, ростом феномена личного и социального одиночества.

В механизме культурной самоидентификации России присутствуют и традиция, и современность. Традиционные и глобальные ценности настолько переплетены в сознании общества, что их значения имеют «маску» «переходного периода» и компенсированы неустойчивым равновесием относительной деидеологизации. В условиях индустриализации, необходимости создания наукоемкой промышленности, потребностей инновационной экономики смысложизненные вопросы (цели исторического развития, справедливости, правды) для человека выступают неизменным ресурсом идентичности.

Ключевые слова: альтернативные сценарии развития; девиация; сетевое общество; трансформация сознания; фрустрация; ценности.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2014 г.

Russia and Globalization: Problems of Value Transformation of Personal Consciousness

ELENA V. ZORINA, Doctor of Philosophy, Professor of at the Department of «Philosophy» of the Financial University.
E-mail: zorel@bk.ru

DIANA Z. MUZASHVILI, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of «Philosophy» of the Financial University. E-mail: mdz1908@yandex.ru

Abstract. The article considers alternative scenarios of transformation of the consciousness of modern man, the contradictions of global and traditional values, the compatibility of the values of Western and domestic origin. The analysis of these alternatives gives the answer to the question about the boundaries of changes and prospects of the movement of the inner human world without the threat of radical deconstruction. Value code of the globalizing community is pluralistic and eclectic. Change in the qualitative characteristics of human consciousness is due to the innovative technologies of the information character and can be also attributed to the rules of formation of sociality of non-hierarchical nature formed on this basis. Virtualization of consciousness under the influence of the total expansion of networking technologies leads to the erosion of social status, the inversion of social and personal, fragmentation of self-consciousness, distortion of values, identity and mechanisms of self-determination. And, thus, the identity crisis is associated with the process of globalization, focused on the Western script. There is presented a critical analysis of the interaction of information technology of the Western Genesis with the values of modern Russia from the point of view of the expansion of the communicative culture. In a secular society the natural social regulators fail to act effectively. Modern Russian society, perceiving the values and ideals of Western democracy, keeps countersecular trends in the system of values. In Russia the traditional value code is in a transitional state, like the whole society. It is expressed in the absence of social ethics, a bizarre combination of religious and secular cultural ideals and attitudes in maintaining deviant (quasiscientific, sectarian) forms of personal consciousness. Deviant forms of consciousness (neomythology, mysticism) are supplemented by frustrating trends, the «looseness» of the national idea, the growth of the phenomenon of personal and social loneliness.

In the mechanism of the cultural identity of Russia there is a tradition, and modernity. Traditional and global values are so intertwined with social consciousness that their values bear a mask of «transition period» and are compensated by unstable equilibrium of relative deideologization. In conditions of industrialization, the need to create high-tech industry, requirements of innovative economy vital questions (historical development objectives, justice, truth) for humans are a constant resource of identity.

Keywords: alternative development scenarios; deviation; network society; the transformation of consciousness; frustration; values.

Анализ ценностной трансформации сознания личности по своей сути — это вопрос о границах изменения и перспективах движения внутреннего человеческого мира без угрозы его радикальной деконструкции.

Потеря и приобретение качественных характеристик человеческого сознания обусловлены инновационными технологиями информационного порядка и формирующимися на этой основе порядками становления социальной неиерархического характера. Эти факторы способны трансформировать привычные

механизмы самоопределения личности, ее потребности и интересы. В этой связи исследование механизмов и тенденций трансформации сознания — это проблема границ изменения внутреннего человеческого мира и перспектив идентичности без угрозы их радикальной деконструкции.

Компьютеризация — важнейший инструмент глобализма, воздействующий на идеальный план человека, поэтому виртуализация, замена реальных форм общения виртуальными выступает основным механизмом тотальной экспансии сетевых технологий в сознание.

Виртуализация размывает социальные статусы индивидов; «социальные институты, <...> теряя свою власть над индивидом, становятся образом, включаемым в игру» [1]. Именно здесь происходит незаметная инверсия социального и личностного. В глобальной среде формируются каскадные неиерархические ценности сетевого порядка. Каскады (социальные сети, мода, пиар-акции, рекламные «раскрутки» и т. п.) фрагментируют сознание личности, хотя и облегчают переход с одного компьютерного идеального образа-файла к другому, из одной культурной матрицы в другую. Эти феномены обладают свойствами неиерархической системности.

В отличие от них, традиционные ценности обнаруживают иерархическую системность, и по этой причине их порядок задается социально-этической парадигмой, представлениями о добре и зле, справедливости, жизни и смерти, смысле бытия личности, смысле истории народа и его предназначении. Можно утверждать, что ценностная система традиционного общества устойчива к «имплантатам» в том, разумеется, случае, когда ее ядро сохраняет историческую и этическую идентичность и не разрушено. Кризис человека и есть кризис идентичности. Во многом за кризис идентичности отвечает процесс глобализации, реализующийся по западному сценарию.

Человек с его неизбежной уникальностью, небесспорностью, алогичностью, нерациональностью растворяется, теряется в эпифеномене «человека глобального», становится по существу «Ё-человеком». На место сознания встают сеть, ячейка, на место общения — технологические структуры. Отсюда психологическая фрустрация общества, девиантные мировоззренческие ориентации массового сознания, падение престижа фундаментальной науки, гипертрофия симулякров информационного генезиса, «потеря неких непеременимых черт социальности» [2]. «Точки сборки» сознания современного человека лежат в плоскости дихотомических цепочек, характеризующих сам процесс трансформации как противоречивый, двойственный, находящийся в стадии становления. К таким цепочкам можно отнести: традиционное — современное, идентичное — имплантированное, целостное — фрагментарное, реальное — виртуальное, ценностное — псевдоценностное,

теоретическое — повседневное. Характеристики сознания личности во многом обусловлены ценностной идентичностью. «Сдвиг» ценностей, по сути, и является «точкой сборки» в трансформации сознания.

Философия говорит о том, что современный «социальный цемент» — это не интересы, а ценности. Цивилизационные миры, ориентированные на этические, исторические и конфессиональные ценности, демонстрируют одну и ту же установку: западные инновации (глобальные технологии), свои культурные традиции. Если этические ценности (благо, добро, справедливость), отделившись от породивших их потребностей, — центр социального кода, то именно он сохранял до настоящего времени устойчивость социальных систем в целом. Немаловажную роль в этом играла и религиозная мотивация. В секулярном обществе естественные социальные регуляторы перестают действовать эффективно, но российское общество, превращаясь в светское, не превратилось в секулярное. Понимание ценностной нормативности религиозного сознания во многом служит источником и ресурсом поддержания целостности сознания личности в современной России, встраивающейся в мировой процесс глобализации. Ценностный код глобализующегося сообщества плюралистичен и эклектичен. В России традиционный ценностный код находится в переходном состоянии, подобно всему обществу, и выражен в отсутствии социальной этики, причудливом сочетании религиозных и светских культурных идеалов и установок, в сохранении девиантных (квазианаучных, сектантских) форм сознания личности. По этой причине в России есть и традиция, и современность, но их значения «стерты», поскольку замаскированы под «переходный период» и компенсированы неустойчивым равновесием относительной деидеологизации.

Американский социолог Р. Белл в середине XX в. писал о «современной ментальности», ядром которой он считал личный успех, гедонизм и личную ответственность. XXI в. существенно не изменил это ядро, добавив ценность коммуникации. Эти ценности по своему генезису и содержанию раскрывают усиливающуюся тенденцию к прагматизации сознания. «Ничего личного» — максима, которая по своему смыслу соотносима с технократическим типом

отношения к природной и социальной реальности: в ней слышен отзвук механистической парадигмы мировоззрения, сформированной культурой модерна в Европе XVII в.

Для прагматика уникально-личностное, патриотическое, нравственное измерения поступка нежелательны, поскольку они противостоят принципу объективизма, пользы, успеха. Но ведь в России механистическое мировоззрение никогда не обладало приоритетом. Сознание человека в России меньше всего напоминает «однофайловое», наоборот, «файлы» в нем раскрываются одновременно и структурируются немеханическим способом (например, научные ценности оказываются совместимыми с религиозными и даже паранаучными). Даже в условиях индустриализации, необходимости создания наукоемкой промышленности, потребностей инновационной экономики смысловые вопросы в сознании общества (цели исторического развития, справедливости, правды) оказывались тем неизменным ресурсом, который превышал прагматические потребности. В России без энтузиазма, без идеи невозможен экономический подъем, потому что он всегда коррелируется исторической спецификой сознания. Об этом говорит возвращение в социальную культуру патриотизма, религиозности, чувства коллективизма, осознание сомнительности либеральных ценностей.

Социальная ценность власти как коллектива топ-менеджеров входит в противоречие с историческим отношением национального сознания к самому смыслу ее, власти, существования. Глобальный «менеджеризм» плохо согласуется с уважением к субъектам власти, за исключением критики ее во все времена узкой группой интеллектуальной оппозиции. Оппозиционные настроения общества по отношению к власти, в какой бы форме она ни осуществлялась (император, генеральный секретарь, президент), всегда выполняли функцию ресурса развития как самой политической власти, так и общества в целом. Не следует, однако, путать оппозиционность и критичность: критика, даже самая существенная, далеко не всегда оппозиционна, и у нее продуктивные, созидательные задачи. Оппозиция же, вырастающая из западного принципа универсализма демократии, чаще всего воспроизводит стереотипность демократических интересов — своих собственных.

Ценность демократического образа жизни несомненна, но ее редукция к одному лишь культурному контексту — западному русским человеком в России не опознается как «своя». Не случайно Президента России воспринимают не как менеджера, а как защитника Отечества. Доверие к нему — это доверие к своему прошлому и будущему, вера в великое будущее своего Отечества. Можно утверждать в этой связи, что личностные качества политического лидера в России значимы гораздо больше, чем стереотипы государственного топ-менеджера.

Связь путей трансформации сознания человека в России с ценностным сдвигом измеряется не только шкалой общезначимых, хотя в ценностном отношении небесспорных, приобретений (информационно-коммуникативные артефакты), но и развитием девиантных линий. Онтологическим фундаментом девиаций выступают две важнейшие «волны» социокультурных изменений в России последней четверти века — распад Советского Союза и приобщение к мировому сообществу и его ценностям. Третья волна — постглобальная культура — в своей перспективе еще больше изменит сценарии трансформации личности.

Девиантные ценности — это отклонение от общезначимого национально-исторически сложившегося культурного ядра; своеобразные идейные «вирусы», которые могут сосуществовать с традициями, но способны и разрушать их. Девиации такого плана можно определить как тенденцию к ремифологизации массового сознания. Ремифологизация обозначена главным образом поиском экзистенциальных ориентиров во «внеаучном знании» — сайентологии (дианетике), уфологии, астрологии, экстрасенсорике, парапсихологии, в неомистических (колдовских) практиках самого разного временного и культурного генезиса. Основным сценарий мифологизации сознания — это инверсия ценностей: утилитарное и возвышенное меняются местами. Если в веке XX неомифология выростала из постсоветского «приступа» неограниченной свободы, то в XXI в. неомифология поддерживается не столько объективными факторами (освобождение от идеологических догм, потеря привычных статусов и т. п.), сколько виртуальными технологиями.

«Ветвление» («ризомность») неомифа, высокая степень его символической свободы по

сравнению с теологией, полихрония смыслов (инокультурных и эндогенных) в сочетании с культурно-историческим фоном их формирования и легитимацией массового сознания обусловили социальный запрос на девиантные формы. Всякий миф — это «образец оптимальной организации духовной среды, орудие совместного общественного выживания», образно-эмоциональный портрет эпохи [3]. Личностный и социальный уровни мифогенерации в условиях распада старых идеологем маркируют устойчивость восприятия массовым сознанием мифологической схемы как замещающей идеологемы. «Снятие» порчи и сглаза, «отмывание ауры», избавление от всех болезней, «наведение» успеха в бизнесе, заговоры, «привороты» и «отвороты» стали обыденной реальностью, поддерживаемой средствами массовой информации. Успех вненаучного знания у определенных социальных слоев обусловлен резонансным эффектом декларируемого антиутилитаризма, нерутинности представлений, «теплотой объединяющей тайны» (образ С. С. Аверинцева), визионерским характером русского интеллектуала, его ориентацией на идеальные ценности.

Мистицизм в своих новейших формах — явление неоднозначное и опасное для молодежи, не имеющей школы жизненного опыта и твердых убеждений. Опасность заключается прежде всего в том, что молодые люди попадают к харизматичному лидеру, исповедующему (часто под прикрытием конфессионального сознания) свои собственные взгляды и требующему безусловного подчинения.

Другой яркой чертой неомистических девиаций выступает коммерциализация мистического «обучающего процесса». Харизматичность лидера, отсутствие навыков критического мышления, коммерциализация являются предпосылками возникновения сектантского типа сознания. В свою очередь, он служит источником социальной легитимации глобальных сект, таких как сайентология, например сект, служащих чаще всего средством влияния иностранных держав на сознание россиян [4].

Показателен тот факт, что носители неомифологии, как правило, апеллируют к научному знанию как подтверждающему. Это новое явление отражает влияние на мифотворчество рациональных ценностей и секуляризацию

теологического мышления, освоение мистически ориентированным разумом ценностей науки и новых социальных идеалов, поиск таких форм выражения, которые могли бы адекватно выразить проблемные сектора, возникающие в духовной культуре общества.

Результатом критического анализа тенденций неомифологизации массового сознания выступают ее оценки феномена как «сознания эпохи кризиса» [5], «квазинаучной формы культуры» [6], «онаученного» мистицизма. Девиантная неомифология воспроизводит не только архаические элементы, но и способна выступить специфическим текстом, неким методом мышления, направленным на противостояние отчужденным от человека формам специализированной духовной культуры общества. Социальное измерение мифа, помимо фактора отчуждения личности от общества, массового сознания от научного, дополняется еще и постмодернистскими влияниями, которые, безусловно, не осознаются массовым сознанием, но в рамках философской оценки «укладываются» в контекст симулакра, мультикультурализма, борьбы личности против «оков» любой идеологии.

Социально-политическая и экономическая ситуация в России третьего тысячелетия обозначила рост социальной фрустрации со всеми ее негативными элементами — тревожностью, страхами, раздражительностью, усталостью, агрессивностью. Процессы глобализации не только не заглушили этих явлений, но и усилили их, декомпенсируя возможности сознательной адаптации. Различные исследователи и в различных дисциплинарных контекстах изучают тенденции и сценарии развития фрустрационных составляющих и в западном, и незападном обществе. Небезынтересно, что экономические потрясения не являются здесь единственным «сильным аргументом» фрустрации. Синергетическая методология, примененная к анализу социальных процессов, в том числе и трансформации сознания личности, помогает увидеть роль «слабых», иногда почти незаметных, факторов в росте «усталости» общества. Компенсационное сознание деградирует вместе с размыванием ценностного ядра личности, за которое отвечают в первую очередь духовно-культурные традиции, социальные идеалы. К числу фрустрационных факторов относится чувство

одинокости, девальвирующее успех, богатство, свободу личности. Глобальные информационные сети в силу своей виртуальной природы, создавая общий «фон» бесконечной доступности разнообразных и часто хаотических контактов, в лучшем случае являются медиаторами, а чаще всего «эразацами» живого общения, дружеского и родственного участия и сострадания. Монитор не может заменить дружескую беседу. Ни один общественный, государственный, социальный институт, как бы гуманно он ни был устроен, сегодня не в состоянии реально решить проблему психологического одиночества современного человека.

Одиночество как продукт и ресурс социальной фрустрации имеет ярко выраженное аксиологическое и экзистенциальное основание. Тема одиночества в экзистенциальной философии в свое время указала на проблематизацию межличностных связей и процесс неуклонной трансформации коммуникативной природы человека [7–9].

Масштаб одиночества объективируется под воздействием внешней среды: созерцательность и замкнутость, ограниченность досуговой формы жизни, трудности семейного статуса, ненадежная дружеская сфера, психологические трудности в установлении общения формируют сознание человека одинокого.

Одиночество как самодостаточность и автономия субъекта отлична от одиночества, порожденного влиянием общества. Так, все чаще те, кто живет в больших городах, выбирают для себя одиночество как наиболее комфортный способ существования, обеспечивающий им свободу, независимость и возможность посвящать себя собственным целям. Ряды одиноких людей постоянно пополняются — об этом свидетельствуют статистика и социологические опросы. Но самое негативное в этой ситуации — то обстоятельство, что большинство одиноких людей находятся в детородном возрасте, и это создает угрозу демографической ситуации и основания для распространенного мнения о том, что общество «вырождается». Преодоление одиночества возможно только как сознательная работа над восстановлением диалога, живого контакта с людьми [10].

Глобальный сценарий развития сознания требует альтернативы. Для русской философии и культуры России в целом общинность

повседневной жизни (или коллективизм советского периода), понятой в духе соборности, духовного единения, являлась высшей ценностью личности, идентифицирующей себя с национальной культурой. Ценность индивидуализма как способа встраивания личности в систему общественных отношений, России исторически нерелевантна; отсюда явный дефицит творческих идей и гениальных произведений в искусстве.

Восстановление и сохранение ценностной субъектности в России имеет устойчивое основание только в отечественной тысячелетней традиции, но не в виртуализации духовного мира личности.

Литература

1. *Иванов Д. В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.
2. *Ядов В. А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов. [Электронный ресурс] URL: http://2001.isras.ru/Publication/Yadov/Arti_Yad.htm (дата обращения: 29.10.2014).
3. *Насонова Л. И.* Мифотворчество обыденного сознания // *Философские исследования*. 1993. № 3. С. 54.
4. *Калужская Е. В.* Современное сектантство как явление эпохи постмодерна: социально-философский анализ: автореф. ... канд. филос. наук. М., 2010. С. 14–15.
5. *Гуревич П. С.* Возрожден ли мистицизм? М., 1984.
6. *Найдыш В. М.* Квазинаука как форма духовной культуры / *Наука и квазинаучные формы культуры*, 1999. М.: Альфа-М, С. 12–22.
7. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / *Сумерки богов*. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
8. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
9. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.
10. *Музашвили Д. З.* Фактор одиночества личности в современном обществе / *Человек в инновационном обществе / Под общей ред. проф. М. А. Федотовой*. М.: Финансовый университет, 2013. С. 181.